

Французскій позитивизмъ *).

(Полупозитивисты: Фульье, Гюйо и Тардь).

I.

Фульье (Alfred Fouillée), какъ самый выдающійся представитель полупозитивизма.

Я позволю себѣ начать мою краткую характеристику Фульье парадоксальнымъ, на манеръ Вольтера, предложениемъ. Еслибы въ настоящее время такого философа, какъ Фульье, не существовало въ дѣйствительности, то его нужно было бы художественно *изобрѣсти* для того, чтобы людямъ, любящимъ философію и интересующимся ея дальнѣйшимъ развитіемъ, было вполнѣ ясно, что на той почвѣ, на которой она двигалась въ своемъ развитіи въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, дальнѣйшихъ успѣховъ она сдѣлать уже не можетъ. Современная философія должна выступить на *новую тропу* въ весьма важномъ и существенномъ отношеніи, а именно: *прежде всего* ей нужно освободиться отъ все болѣе и болѣе укореняющагося *предразсудка*, что философія есть что-то другое, а не наука **). Пусть фило-

*) См. Вопросы филос. и психол., 1892—93, кн. 15, 16 и 19. Позитивисты: Огювь Контъ и Тэнъ.

**) Нельзя сказать, чтобы эта тропа была абсолютно новая, потому что философія иногда и довольно долгое время шла по ней, какъ, напр., въ лицѣ Платона, Аристотеля и нѣкоторыхъ изъ ихъ преемниковъ, иногда же становилась на нее на короткое время въ дѣятельности того или другого философа (напр., Гегеля), но все это было недостаточно обосновано въ принципѣ, а потому и не прочно.

софѣ не поддается льстивымъ голосамъ, утверждающимъ, что философія есть даже *нѣчто высшее*, чѣмъ наука, что она замѣняетъ религію, что она высшая форма поэзіи, единственная основа для морали и т. п. Пусть, не увлекаясь этими голосами, онъ твердо и безъ колебаній стоитъ на одномъ, что *она есть наука*, хотя бы, по трудности своего предмета, и менѣе совершенная, чѣмъ другія, но все-таки она наука и, притомъ, по важности этого предмета, высшая изъ всѣхъ другихъ отраслей *единого* знанія. Отсюда уже само собою разумѣется, что она должна двигаться самостоятельно къ своей научной цѣли, а не идти, ради якобы вящей научности, на буксирѣ другихъ наукъ или *подражать* имъ въ приемахъ и способахъ пріобрѣтенія и построенія своего содержанія*). Какъ въ эпоху, наприм., „Возрожденія наукъ“ философія поняла, что ей не должно быть „служанкой теологіи“ (**), какъ, далѣе, въ 18-мъ вѣкѣ она поняла, что ей невозможно подражать математикѣ,—такъ и теперь ей уже давно бы нужно перестать видѣть въ естествовѣдѣннн образецъ научнаго знанія вообще и увлекаться *титломъ* „положительной науки“, приличествующимъ только для условныхъ наукъ, каковы—математика, физика, химія и т. под.***).

Теперь спрашивается, почему на Фуллѣ болѣе, чѣмъ на комъ-либо другомъ, можетъ обнаруживаться необходимость для современной философіи въ радикальной перемѣнѣ своего пути и направленія? Отвѣчаю: именно потому, что это вообще наиболѣе выдающійся между современными философами, по соединенію въ немъ многихъ условій для того,

*) Однимъ изъ важныхъ шаговъ для этой радикальной перемѣны направленія было бы ясное сознаніе у философовъ, что дѣленіе нашей познающей дѣятельности на различныя специальности обусловлено не сущностью знанія, а только внѣшними обстоятельствами, напр., ограниченностью силъ у отдѣльныхъ людей, несовершенствомъ общественныхъ формъ жизни и т. под.

**) Къ сожалѣнію, въ то же самое время она начала искать новаго господина и образца для подражанія.

***) Мнѣ случалось встрѣчать въ руководствахъ къ шахматной игрѣ громкое и притязательное названіе: «наука о шахматно й игрѣ», и я признаюсь, что этой «наукѣ», по ся полной условности, приличествуетъ титулъ *положительной*, пожалуй, еще въ *высшей* степени, чѣмъ физикѣ, химіи и астрономіи.

чтобы сказать *новое слово* въ области философской дѣятельности. По своей талантливости онъ если не выше, то во всякомъ случаѣ не ниже Тэна или кого-либо другого изъ современниковъ; то же можетъ быть сказано и относительно его общей и специально-философской эрудиціи. По тщательной же подготовкѣ къ производительной работѣ въ философіи онъ превосходитъ своихъ современныхъ соотечественниковъ. Точно также едва ли кто превосходитъ его и въ энергіи, съ которой онъ началъ и продолжаетъ свою философскую *миссію*, возникшую изъ убѣжденія въ неудовлетворительности господствующихъ въ настоящее время системъ матеріализма, спиритуализма и даже позитивизма, — убѣжденія, основаннаго на проницательной критикѣ, которой онъ неутомимо подвергалъ ихъ. Изъ этого убѣжденія, конечно, возникло горячее желаніе замѣнить неудовлетворительное собственной работой, а чтобы избѣжать при ней какихъ бы то ни было односторонностей, Фуллье избралъ особое *предохранительное средство*, состоящее въ „методъ соглашенія“ прежнихъ философскихъ доктринъ. Но, несмотря на его талантъ, эрудицію, тщательную подготовку къ труду и энергію въ его выполненіи, все-таки предпріятіе Фуллье я не могу счесть удавшимся, главнымъ образомъ, потому, что и онъ не отрѣшился вполнѣ отъ старой почвы. Отсюда его преобразование философіи неизбѣжно оказывается палліативомъ: главная задача, стоявшая передъ нимъ, заключалась не въ соглашеніи старыхъ доктринъ, а въ открытіи новыхъ принциповъ, или точекъ зрѣнія, съ которыхъ бы можно было, съ одной стороны, яснѣе понять прежнее, а съ другой — вѣрнѣе предвидѣть дальнѣйшее движеніе философіи.

Все сейчасъ сказанное я надѣюсь *пояснить*, во-первыхъ, указаніемъ на важнѣйшія сочиненія Фуллье, которыя представляютъ какъ бы *этапы* въ выработкѣ его философской системы, и во-вторыхъ, краткимъ анализомъ основного понятія этой системы, а именно „идей-силъ“ *).

*) Разумѣется, по недостатку времени и мѣста, я не могу войти въ какія-

Важнѣйшія подготовительныя къ системѣ „идей-силъ“ сочиненія Фуллье *).

Немного моложе Тэна по возрасту, Фуллье и въ качествѣ философскаго дѣятеля выступилъ нѣсколько позже его, а именно въ концѣ 60-хъ годовъ. Сразу обратилъ онъ на себя вниманіе ученаго міра двумя почтенными, по самостоятельности, эрудиціи и талантливости изложенія, историческими сочиненіями: „Философія Платона“**) и „Философія Сократа“, увѣнчанными преміями „Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ“. Этими самостоятельными изслѣдованіями въ области древней философіи, составляющей и до сихъ поръ источникъ живой силы для производительной философской дѣятельности, Фуллье какъ бы закалилъ себя для будущаго труда. Несомнѣнно, что и мысль объ *идеяхъ*, какъ *творческихъ силахъ*, осуществляющихся въ дѣйствительномъ мірѣ, была впервые подсказана ему платонизмомъ. Уже въ этомъ первомъ сочиненіи обнаруживаются признаки и его методическаго *принципа соглашенія доктринъ*. Такъ, въ спорномъ у толкователей Платона вопросѣ „о трансцендентности и имманентности идей міру вещей“, онъ соединяетъ обѣ точки зрѣнія. По его изслѣдованіямъ выходитъ, что идеи *и трансцендентны, и имманентны*, или, иначе, что міръ идей (или Богъ) хотя самъ по себѣ и не подлежитъ происхожденію, движенію или быванію, но что, тѣмъ не менѣе, онъ, несмотря на свое *единство и неизмѣнность*, все-таки необхо-

либо подробности и долженъ ограничиться, пожалуй, еще болѣе краткими намеками, чѣмъ это сдѣлано относительно Тэна.

*) Сочиненія Фуллье многочисленны и состоятъ, кромѣ цѣлыхъ книгъ, изъ множества статей, напечатанныхъ въ журналахъ („Revue Philosophique“, „Revue des Deux Mondes“). Конечно, я здѣсь упомяну только о важнѣйшихъ для пониманія генезиса и развитія системы Фуллье.

**) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это сочиненіе появилось во 2-мъ изданіи, гдѣ Фуллье подкрѣпляетъ свои взгляды, высказанные въ 1-мъ изданіи, новыми доказательствами и объясненіями и обогащаетъ его новыми изслѣдованіями (какъ, наприм., объ отношеніи платонизма къ христіанству и о платонизмѣ въ философіи новаго времени).

димо связанъ съ міромъ *многихъ* вещей и участвуетъ въ его движеніи *).

Второй этапъ въ выработкѣ міровоззрѣнія Фуллье является результатомъ изученія другого великаго философа, Канта, безъ надлежащаго знакомства съ которымъ невозможно пониманіе философіи новѣйшаго времени. Послѣдствіемъ этого изученія было самостоятельное рѣшеніе основного вопроса, поставленнаго Кантомъ, о возможности свободы, а съ нею и морали,—рѣшеніе, ставшее исходнымъ пунктомъ и для собственной системы Фуллье. Ставъ лицомъ къ лицу съ вѣковой борьбою въ философіи двухъ непримиримыхъ воззрѣній — *индетерминизма и детерминизма*, или защитниковъ и противниковъ свободы воли **), Фуллье въ своей книгѣ (2-е изд.) старается „по методѣ соглашенія“ примирить борющіяся воззрѣнія: детерминизмъ и индетерминизмъ должны совпасть, потому что (по теоріи „идей-силъ“) идея свободы, постоянно реализуясь на практикѣ, будетъ все болѣе и болѣе освобождать *человѣческое* существо отъ *природной* зависимости, такъ что, въ концѣ концовъ, оно сдѣлается настолько свободнымъ, какъ будто бы оно было таковымъ и первоначально, по своей природѣ. Однако, и самъ Фуллье сознается, что еще невозможно вполнѣ доказать этого совпаденія теорій детерминизма и свободы, потому что, можетъ быть, число

*) Одаренный богатымъ воображеніемъ и чрезвычайно находчивый въ сравненіяхъ и объясненіяхъ, Фуллье *очень картинно* сравниваетъ участіе неподвижныхъ, по своей природѣ, идей въ теченіи міра вещей—съ центромъ колеса, неподвижнымъ въ то время, какъ его радіусы находятся въ постоянномъ движеніи.

**) Сочиненіе, въ которомъ Фуллье касается этого вопроса, носитъ заглавіе: „La liberté et le déterminisme“, и появилось въ двухъ изданіяхъ. Первое вышло въ началѣ 70-хъ годовъ,—второе въ 80-хъ. Въ силу плодovitости Фуллье и неутомимости, съ какою онъ развиваетъ всякую мысль до ея послѣднихъ предѣловъ, а также вслѣдствіе нѣкотораго колебанія въ пониманіи и формулировкѣ изслѣдуемыхъ имъ основныхъ началъ, первое изданіе не мало страдаетъ отъ недостатка въ ясности. Такъ, наприм., Фуллье то называетъ волю абсолютнымъ, то считаетъ разумъ за начало ее опредѣляющее, то, наконецъ, подчиняетъ и волю, и разумъ, и чувство какому-то „нѣчто“, которое не исчерпывается ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ.

фактовъ, долженствующихъ быть соглашенными, *безконечно*, хотя для практики совершенно достаточно того теченія мысли, которое выходитъ изъ гипотезы соединимости обѣихъ теорій, а вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно и для устраненія безконечнаго историческаго спора *).

Третій шагъ въ философскомъ движеніи Фуллье представляетъ его сочиненіе „L'idée moderne du droit en Allemagne, en Angleterre et en France“, служащее какъ бы заключеніемъ предыдущаго. Въ немъ онъ дѣлаетъ анализъ идеи права вообще и краснорѣчиво, хотя не безъ примѣси реторики, характеризуетъ ея пониманіе у трехъ главныхъ народностей Европы. Народность германская, думаетъ онъ, имѣетъ склонность къ замѣнѣ идеи права *идеєю силы* (грубаго факта), англійская—*идеєю пользы*, и только французская вѣрна *идеѣ права*, потому что служила въ своей исторіи идеямъ независимости и свободы.

Хотя Фуллье и отклонялъ сдѣланный ему упрекъ въ гегельянствѣ, гдѣ народность должна вообще проявить въ исторіи свою идею, но все-таки въ этомъ упрекѣ, по-моему, есть своя доля правды, потому что народности, какъ собирательныя существа, заключають въ себѣ индивидуумовъ разнообразнаго происхожденія и съ самыми разнообразными свойствами, тенденціями и задатками. Если же какія-либо тенденции въ тотъ или другой историческій періодъ и возобладали у многихъ индивидуумовъ одного народа, такъ что какъ будто сдѣлались признакомъ характера цѣлаго народа, то это все-таки—не болѣе, какъ продуктъ историческихъ условій, побуждающихъ многихъ индивидуумовъ идти по одному и тому же пути (жители острововъ, наприм., во всей исторіи и у разныхъ племенъ, всегда и въ разныхъ формахъ имѣли тенденцію быть болѣе или менѣе морскими

*) Второе изданіе сочиненія вообще интересно по многимъ пунктамъ, которые оно въ себѣ заключаетъ, каковы, наприм., критическій обзоръ теорій детерминизма и индетерминизма (въ ученіяхъ Платона, Плотина, Лейбница, Канта, Шеллинга и проч.), или попытка Фуллье къ примиренію платонизма и кантіанства съ христіанствомъ.

грабителями); съ переменною этихъ условій видоизмѣняется или даже исчезаетъ совсѣмъ *мнимое* свойство цѣлаго народа (народъ, вѣдь, не субстанція). Значить, мысль Фуллье въ данномъ случаѣ довольно поверхностна; и если можно согласиться съ его характеристикой европейскихъ изродностей, то только при очень поверхностной оцѣнкѣ ихъ.

Точно такъ же, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, Фуллье, полагающій, что идеи силы и пользы соединимы съ правомъ, соглашается, по своей методѣ, „натурализмъ“ (сила и интересъ) съ „идеализмомъ“ (право и свобода), при условіи, чтобы и тотъ, и другой признали высшимъ руководящимъ началомъ „разумную свободу“ *). Подъ влияніемъ этой идеи, въ силу самого детерминизма, эволюція сама собою постепенно реализуетъ окончательное совпаденіе силы, пользы и свободы (независимости); или, какъ выражаетъ ту же мысль Фуллье, съ точки зрѣнія его теоріи „идей-силъ“, идеи, между которыми находятся свобода и необходимо соответствующія ей моральныя идеи (низшія: воздѣржанія и умѣренности—*sustine et abstine* у древнихъ, и высшія: справедливости и братства—въ новое время), составляющія идеаль, реализуются сами собою, по мѣрѣ того, какъ онѣ признаны, поняты и стали предметомъ почитанія.

Особенно важный шагъ въ философскомъ движеніи Фуллье представляетъ его сочиненіе: „*Critique des systèmes de morale contemporains*“, вышедшее въ 1883 году. Богатство знаній, остроумія и діалектической силы, обнаруживаемое въ немъ авторомъ, изумительно. Всѣ системы изслѣдованы въ порядкѣ ихъ *убывающей позитивности и возрастающей метафизичности* и изложены чрезвычайно обстоятельно **).

*) По Фуллье, при этомъ соглашеніи не только натурализмъ, но и идеализмъ долженъ слѣлать уступку, а именно: отказаться отъ своихъ *апѳіорностей*: Фуллье не признаетъ апѳіорной свободы Канта; по природѣ и въ челоѳкѣ, какъ и вездѣ, господствуетъ природный детерминизмъ. Свобода дается челоѳку детерминизмомъ же, т. е. причинностью идеи свободы, по природѣ же въ немъ господствуютъ сила и эгоизмъ. Къ сожалѣнію, все это выражено у Фуллье не вполне ясно.

**) Сочиненіе это начинается съ изложенія морали философскихъ доктринъ,

соглашаясь вполне ни съ одной изъ извѣстныхъ въ настоящее время моральныхъ системъ, Фуллье съ силою опровергаетъ ихъ, но въ то же время на ихъ развалинахъ готовится и *свою истинную* систему, въ основаніи которой лежитъ метафизическая теорія „идей-силъ“. Первоначальную почву всякой морали составляютъ инстинкты и привычки органическихъ существъ вообще. Что же касается до людей, то они не только повинуются мотивамъ удовольствія и избѣгаютъ импульсовъ непріятныхъ, но, кромѣ того, у нихъ образуется *общая идея* блага и зла, т.-е. идея *моральная*, которая въ своей эволюціи уже сама собою полагаетъ основаніе для различныхъ системъ нравственности. Но если всѣ эти системы неудовлетворительны передъ критикою, то какъ выйти изъ этого затрудненія? Повидимому, Фуллье находитъ исходъ въ томъ соображеніи, что въ существѣ всѣхъ моральныхъ системъ лежитъ идея *самоотреченія, безкорыстія* или, въ болѣе высшей формѣ, идея *справедливости, милосердія*, которыя суть не что иное какъ *отрицательная* и *положительная* формы самоотреченія. Эти же идеи естественно постулируютъ *всеобщее счастье*.

Весьма оригинальную черту представляетъ система нравственности самого Фуллье въ томъ, что осуществленіе нравственной идеи (самоотреченія, справедливости, всеобщаго—не только человѣческаго, но и космическаго—счастія и т. под.) не обязательно, *не составляетъ долга* для исповѣдующаго ее. Довольно и того, думаетъ онъ, что эта идея возможна: все остальное придетъ само собою, по законамъ

 претендующихъ на полную независимость отъ теологій и метафизики, хотя въ то же время (замѣчаетъ вѣрно Фуллье) прихватывающихъ не мало матеріала изъ этой *зависимой* морали въ свою *независимую*, какъ, наприм., доктрины Литтре, Тэна и проч. Но особенно много труда посвящаетъ Фуллье на изложеніе и опроверженіе тоже якобы независимой морали критицизма. въ системахъ какъ самого Канта, такъ и неокантіанцевъ, въ особенности же французскихъ, во главѣ которыхъ стоитъ почтенный философъ Ренувье. Точно также съ силою опровергаетъ онъ и теологическую мораль французскаго спиритуализма, причѣмъ главнымъ аргументомъ для него служитъ несовмѣстимость безконечной благодати и могущества Бога съ несовершенствомъ и страданіями существъ, наполняющихъ міръ.

эволюціи. Значить, въ концѣ концовъ, человѣкъ самъ можетъ дать себѣ именно то самое счастье, котораго онъ желаетъ въ своемъ идеалѣ. Это, по мнѣнію Фуллье, согласно и съ тѣмъ фактомъ, что для человѣка истинное наслажденіе существуетъ только тогда, когда онъ самъ достигаетъ его. Отсюда вытекаетъ, что всякій долженъ быть свободенъ по-своему и, далѣе, что всякій долженъ уважать дѣятельность другого.

Вообще, въ этомъ сочиненіи такъ же, какъ и во второмъ изданіи предыдущаго, Фуллье настаиваетъ на принципѣ *относительности знанія* и кладетъ его въ основу и свободы, и счастья человѣческаго. Такъ какъ мы, по Фуллье, не знаемъ *основной сущности* человѣка, то и не должны *догматически* возлагать на него долженствованія и обязательства.

Такимъ образомъ, онъ даже скептицизмъ какъ бы кладетъ въ основу принципа справедливости и терпимости. Конечно, и принципъ относительности знанія, и ссылки Фуллье на неизвѣстную и непознаваемую *сущность, ядро* и т. под. души человѣческой, и, наконецъ, его колебанія въ окончательномъ объясненіи своихъ принциповъ и основныхъ положеній (какимъ, наприм., образомъ непространственная и безвременная, по существу, идея свободы можетъ реализовать въ пространствѣ и времени акты этой самой свободы и т. под.) — уполномочиваютъ считать его философію еще недостаточно выработанной (по крайней мѣрѣ, въ томъ пунктѣ ея развитія, который выражается послѣднимъ, указаннымъ мною сейчасъ, сочиненіемъ), такъ что пока можно смѣло сказать, что онъ является гораздо болѣе яснымъ и сильнымъ въ критикѣ и разрушеніи стараго, чѣмъ въ созиданіи новаго.

Понятія науки и метафизики у Фуллье.

Обратимся къ тѣмъ сочиненіямъ Фуллье, гдѣ онъ систематически выражаетъ послѣднія основанія своей собственной системы и гдѣ еще въ высшей степени обнаруживаются тѣ свойства его, какъ ученаго и философа, на которыя я уже указывалъ ранѣе. Сочиненіе, вышедшее въ

1889 году: „L'avenir de la métaphysique“ *), представляетъ какъ бы пропедевтику или обширное введение къ философіи „идей-силъ“ и дѣлится на двѣ части: въ первой разсматриваются понятія метафизики и науки съ ихъ взаимными отношеніями, а во второй—отношеніе понятій метафизики и морали. Въ первой мы находимъ: *опредѣленіе* метафизики и науки, затѣмъ *раздѣленіе* метафизики: на формальную или субъективную, на реальную или объективную; далѣе—объ отношеніи метафизики къ поэзіи и, наконецъ, изложеніе метода метафизики. Вторая часть подробно разбираетъ вопросы о метафизикѣ, какъ *основаніи* для морали, и, наоборотъ, о морали, какъ *основаніи* для метафизики. Въ заключеніе говорится о будущей метафизикѣ и „объ идеяхъ-силахъ“, какъ главномъ и единственномъ ея содержаніи.

Изъ всего содержанія книги я останолюсь только на опредѣленіи понятій—науки и метафизики, къ которому Фульье переходитъ послѣ указанія на односторонность и недостаточность возрѣній на философію (метафизику) представителей „научной философіи“ (послѣдователей Конта) и „критической философіи“ (послѣдователей Канта). Для понятія науки у автора нѣтъ не только *методическаю* опредѣленія (per genus et differentiam), но и вообще нѣтъ достаточно яснаго указанія на его элементы**) Науку понимаетъ Фульье, въ сущности, такъ же, какъ идругіе позитивисты; она для него есть „логически упорядоченная система (système raisonné)

*) Въ промежуткѣ между этимъ и выше указанными мною сочиненіями Фульье вышли еще слѣдующія: «La science sociale contemporaine» и «La propriété sociale et la démocratie», гдѣ высказываются его взгляды, касающіеся философіи общества, которыхъ я не коснусь вовсе. Точно также не коснусь я и его «Исторіи философіи», представляющей, впрочемъ, весьма почтенное сочиненіе.

**) Кстати, я считаю и у Фульье предразсудкомъ, возникшимъ тоже въ силу невѣрнаго понятія объ абстракціи, какъ способъ происхожденія понятій,—мнѣніе, что будто бы есть понятія недоступныя опредѣленію. Такъ какъ всякое понятіе есть результатъ акта мышленія, въ которомъ *соотносятся и сравниваются* уже прежде готовые *элементы сознанія*, соединяемые этимъ актомъ въ новое единство, то оно во всякомъ случаѣ можетъ быть опредѣлено путемъ указанія на эти соотносящіяся элементы.

фактовъ“ (стр. 6). Предметъ ея— „не вещи, а законы“, „не реальность, а истина“, — „формы нашего опыта, а не его живое содержаніе (стр. 9)“. Что касается до метафизики, то для нея есть болѣе методическое, хотя все-таки неточное, опредѣленіе, а именно: „метафизика есть анализъ, синтезъ и критика науки, практической дѣятельности и различныхъ понятій (положительныхъ, отрицательныхъ, или же гипотетическихъ), къ которымъ приводитъ насъ совокупность нашихъ познаній, чувствъ и дѣятельностей, относящихся ко всѣмъ реальностямъ (познаннымъ, познаваемымъ или непознаваемымъ)*“.

Этимъ опредѣленіемъ совершенно обойденъ вопросъ: наука ли метафизика, или не наука; но послѣ предварительныхъ разсужденій автора нельзя сомнѣваться, что онъ не считаетъ ее наукой. Но если такъ, то что же она такое? Не давая на этотъ вопросъ прямого отвѣта, опредѣленіе однако позволяетъ отождествлять ее не только съ разными науками, но даже и съ искусствами. Такъ, если остановимся на выраженіи, что „метафизика есть анализъ, синтезъ и критика познанія“, то она какъ бы отождествляется съ *логикой*, или же *теоріей познанія*, что вообще свойственно позитивизму. Но если возьмемъ въ соображеніе, что метафизика имѣетъ въ виду „анализъ и синтезъ практической дѣятельности“, то она уже смахиваетъ и на искусство, причемъ, конечно, оставался бы не рѣшеннымъ вопросъ, какая же практическая дѣятельность разсматривается въ метафизикѣ: *эстетическое* ли искусство, или *техническое*, или же ей, въ качествѣ практической дѣятельности, скорѣе всего подлежитъ дѣятельность *нравственная*. Если же мы остановимся надъ выраженіемъ: „понятія, въ которыхъ выражается совокупность нашихъ познаній, чувствованій и проявленій нашей активности“, то все это

*) Въмѣстѣ съ этимъ опредѣленіемъ я приведу и его сокращеніе, слѣланное самимъ авторомъ, а именно: метафизика есть систематизація и критика познанія, а также и практической дѣятельности, приводящая къ понятію о совокупности реальностей и нашихъ отношеній къ ней. По моему, опредѣленія не ясны и искусственны, такъ что ведутъ къ заключенію, что составлялъ и формулировать ихъ Фулль съ трудомъ и колебаніями.

могло бы быть короче и проще выражено словами: наша душа, нашъ духовный міръ,—и тогда метафизика походила бы на *психологію*. Что касается довыраженія: „совокупность реально существующаго“, то оно вполне можетъ быть замѣнено терминами: міръ, вселенная, бытіе и проч., и тогда метафизика будетъ означать ученіе о мірѣ въ его цѣломъ и въ его реальности^{*)}).

Но недостатокъ ясности и точности въ опредѣленіи метафизики у Фулье, къ сожалѣнію, не восполняется ни предшествующими, ни сопровождающими это опредѣленіе разсужденіями. Такъ, я затрудняюсь понять его, когда онъ цѣлью науки ставитъ „истину“, а задачу метафизики видитъ въ „изслѣдованіи реальности“, или когда предметомъ науки называетъ „законы“, а „вещи“ какъ бы относитъ къ области метафизики. Конечно, вопросъ о реальности, или бытіи, не составляетъ задачи физики, химіи или вообще частныхъ наукъ, но, вѣдь, и метафизика занимается этимъ вопросомъ вовсе не въ томъ смыслѣ, что ея представители какъ бы обязаны найти, предъявить, демонстрировать для наблюденія реальность, или бытіе^{**}). По-моему, задача метафизики (какъ части философіи) заключается *не въ открытіи реальности или бытія*, а въ выработкѣ точнаго *методическаго опредѣленія* понятія сущаго и его классификаціи. Реальность, по ея понятію, есть само по себѣ сущее, независимо и помимо всякихъ актовъ познавательной дѣятельности; и необходимый критерій реальности или бытія, конечно, можетъ быть только у того, кто самъ есть реальность, т.-е. существуетъ. Безъ этого (т.-е. еслибы мы были на самомъ

*) Что, по-моему, и было бы настоящимъ опредѣленіемъ, но не метафизики, а философіи, ибо хотя всюду и постоянно господствуетъ смѣшеніе этихъ двухъ терминовъ, но правильно было бы понимать ихъ такъ, что метафизика есть часть или, точнѣе сказать, *сторона* философіи, какъ науки о мірѣ. Я уже имѣлъ случай высказаться объ этомъ вопросѣ и здѣсь (въ статьяхъ о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“), и въ другихъ моихъ сочиненіяхъ (въ „Очеркахъ“ и въ „Своемъ Словѣ“).

***) Между тѣмъ разсужденіями Фулье на стр. 25—69 на метафизику возлагается нѣчто въ родѣ этой обязанности.

дѣлѣ „позитивистической совокупностью“, „рядомъ событий“, „фантомомъ“, „словесною сущностью“ и т. п.) не было бы ни философіи, ни метафизики, ни даже самаго вопроса о реальности. Но быть реальностью еще недостаточно для того, чтобъ имѣть о ней правильное понятіе. Человѣкъ и животное разнятся не въ томъ, что одному реальность доступна, а другому нѣтъ. Животное, говоря фигурально, не менѣе человѣка, если не болѣе, погружено въ потокъ реальности, но только, не имѣя разума и мышленія, оно не можетъ понимать этого и отличать реальное отъ нереальнаго, бытіе отъ небытія, что доступно человѣку, благодаря его специфической реальной функціи, мышленію, которое въ результатѣ даетъ всѣ науки и между ними метафизику, представляющую ученіе о реальности, которая, какъ таковая, сама по себѣ вовсе не есть ученіе или наука, ибо не приобрѣтается путемъ изученія (мышленія), а *есть* (т. е. дана, переживается).

На этомъ пути метафизика (философія) дѣйствуетъ совершенно такъ же и тѣми же приемами, какъ и всякая другая наука. Подобно имъ, она состоитъ изъ сужденій и понятій, методически (логически) приведенныхъ въ систему. Частныя науки вырабатываютъ понятія о частныхъ свойствахъ сущаго, метафизика (философія)—понятіе о сущемъ, помимо его частныхъ различій *).

Поэтому я не могу согласиться съ мнѣніемъ Фуллье, что будто бы науки (частныя) совсѣмъ не соприкасаются съ реальностями и съ вещами, а только изучаютъ законы. Неужели астрономъ, спрашиваю я, изучая движенія небесныхъ

*) Когда Фуллье, все-таки, въ концѣ концовъ, въ значительной степени двигающийся въ общепозитивистической колѣѣ, ратуетъ противъ старой онтологіи, то онъ неточно понимаетъ ея грѣхи, а потому правъ только отчасти. Старая онтологія, занимавшаяся, въ сущности, опредѣленіемъ понятія бытія, въ этомъ вполне права; и грѣхъ ея состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что она при образованіи этого понятія видѣла сущее не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, какъ, напр., въ пространственности, подвижности, матеріальности и т. под. и не обращала надлежащаго вниманія на область индивидуальнаго непосредственнаго сознанія.

тѣль, ихъ форму, вѣсь, химическій составъ и пр.; или геологи, минералогии, физики и химики, изучая составъ, формы и состоянія матеріальныхъ тѣль и различныя перемѣны, въ нихъ происходящія, не считаютъ все это дѣйствительностью? Развѣ также зоологи и ботаники не считаютъ изучаемые ими предметы за дѣйствительныя вещи съ ихъ дѣйствительными актами и состояніями? Точно также историки, вѣдь, не думаютъ, что предметы ихъ изученія относятся къ фантомамъ или выдуманнмъ существамъ *)? Что же касается до пресловутыхъ законовъ, которые, по Фуллье, какъ бы составляютъ специальное содержаніе наукъ, то, какъ мы уже видѣли, это есть не болѣе, какъ особая форма словеснаго изложенія результатовъ научнаго изслѣдованія, вовсе не составляющая существенной принадлежности наукъ, напр., естественныхъ. Вѣдь и продукты такъ называемаго метафизическаго мышленія сплошь и рядомъ выражаются во внѣшней формѣ законовъ, которымъ подчиняется дѣятельность тѣхъ или другихъ существъ. Такъ, напр., у философовъ, метафизиковъ можно постоянно найти выраженіе актовъ, необходимо совершаемыхъ, сообразно ихъ природѣ, субстанціями, въ формѣ законовъ.

Но если для меня кажется страннымъ мнѣніе Фуллье, что науку онъ какъ бы *отдѣляетъ отъ реальности*, то еще страннѣе кажется другое мнѣніе, въ которомъ онъ метафизику *отдѣляетъ отъ истины*. Всѣ метафизики, сколько мнѣ из-

*) Конечно, Фуллье можетъ стать на точку зрѣнія Тэна и справедливо сказать, что, вѣдь, названные ученые, считающіе реальностями изучаемые ими предметы, въ большинствѣ случаевъ наивно не сознаютъ, что эти реальности суть наши же образы, взятые изъ ощущеній, или, говоря терминами Тэна, „наши галлюцинаціи“, а не дѣйствительность, и въ случаѣ поправки этой наивности все-таки вышеназванные ученые разумѣли бы подъ образами нѣчто относящееся къ реальности, какъ къ причинѣ образовъ. Такъ, напр., Тэнъ и вообще менѣе наивные представители естествовѣдѣнія, строже сознающіе, что цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, холода, тепла и т. п. вовсе нѣтъ *тамъ*, въ такъ называемомъ внѣшнемъ мірѣ, все-таки предполагаютъ какую-либо реальность, скрывающуюся подъ этими образами вещей и означаемую, напр., Тэнномъ подъ именемъ „подвижныхъ двигателей“, а научными матеріалистами естествовѣдѣнія подъ именемъ „молекулъ, атомовъ“ и т. п.

вѣстно. заявляли претензію, что содержаніе ихъ метафизическихъ положеній составляетъ *самую высшую истину*; и еслибы мы даже не согласились ни съ однимъ изъ нихъ, то все-таки, по-моему, для мыслителей, признающихъ метафизику, значить, и для Фуллѣ, дѣло иначе быть не можетъ; положенія, въ которыхъ опредѣляется, характеризуется реальность, бытіе, суть высшія истины сравнительно со всякими другими познаніями и истинами, которыя уже будутъ выводными, условными истинами, опирающимися на первыя*).

Но однако въ томъ же сочиненіи Фуллѣ можно нерѣдко встрѣтить положенія, не согласныя съ сейчасъ указаннымъ отдѣленіемъ метафизики отъ науки. Мѣстами **) онъ даже прямо называетъ метафизику наукою; такъ, напримѣръ, науки о природѣ, а также и психологию онъ считаетъ *абстрактными*, а метафизику *конкретною наукою****). Далѣе, если метафизика—не наука, то для меня непонятно требованіе Фуллѣ, чтобъ она разрѣшала свою задачу изслѣдованія реальности подъ контролемъ наукъ, чтобы она создавалась изъ научныхъ

*) Здѣсь кстати сказать, что я не раздѣляю нѣсколько наивнаго положенія, слѣды котораго можно встрѣтить и у Фуллѣ, что истина состоитъ *въ согласіи* (сходствѣ) нашихъ представленій съ дѣйствительностью, т.-е. что въ истинномъ положеніи наши мысли, или представленія суть какъ бы *копія, снимокъ* или *отраженіе* бытія, или что они похожи, сходны съ дѣйствительностью. Нѣтъ, мысль вовсе не есть копія, а какъ функція нашей субстанціи, есть сама тоже бытіе, дѣйствительность особаго рода. Но, кромѣ того, мысль всегда имѣетъ специфическое отношеніе ко всяческой иной дѣйствительности (чувству, желанію, цѣлой субстанціи). Мысль, когда она истинна, т.-е. произошла вслѣдствіе нашего дѣйствительнаго отношенія къ реальнымъ, а не мнимымъ существамъ или ихъ дѣятельностямъ, и когда она точно выражаетъ это отношеніе, не есть, конечно, копія дѣйствительности, но *соотвѣтствуетъ* ей. Отсюда та метафизическая система, которая состоитъ изъ такихъ мыслей или понятій, можетъ быть, пожалуй, названа—однако, только въ *фигуральномъ смыслѣ*—отраженіемъ, отблескомъ, если угодно, даже и копіей бытія.

**) Читатель, не знакомый съ сочиненіемъ Фуллѣ «L'avenir de la métaphysique», можетъ, въ случаѣ надобности, провѣрить мои ссылки по изложенію этого сочиненія г. Введенскимъ, помѣщенному здѣсь въ журналѣ въ №№ 10 и 11.

***) О неправильности приложенія терминовъ: абстрактный, конкретный къ слову: наука, см. мою статью «О Кантѣ», стр. 67.

данныхъ, чтобъ въ понятіи міра она объединила, связала и координировала понятія, теоріи и построенія различныхъ наукъ. Наконецъ, я не понимаю, какъ, при коренномъ различіи наукъ и метафизики, Фуллье видитъ для нихъ одинъ и тотъ же источникъ, именно—опытъ.

Какъ, спрашиваю я, будутъ науки, не касающіяся реальностей, контролировать метафизику въ ея поискахъ за ними? Положимъ, напримѣръ, метафизика найдетъ въ субъективномъ сознаніи основанія признать за реальность Высочайшую Субстанцію, тогда какъ отдѣльныя точныя науки (математика, механика, астрономія, физика, химія), выражаясь словами Лапласа, не только не чувствуютъ надобности „въ этой гипотезѣ“, но сочли бы ее только бесполезною помѣхою въ дѣлѣ установки „непреложныхъ, желѣзныхъ“ законовъ природы? Какъ, спрошу я далѣе, будетъ координировать для связнаго міросозерцанія понятія наукъ метафизика, если для физики и химіи, какъ думаетъ Фуллье, необходимъ *атомъ*, а математика его отрицаетъ? Вѣдь, между отрицаніемъ и утвержденіемъ ничего средняго нѣтъ! Если же метафизика одинаково отвергнетъ требованія какъ физики съ химіей, такъ и математики, и въ основу міра положить какое-нибудь начало, найденное ею самой, напр., безпространственныя субстанціи, то, значить, она уже выйдетъ изъ - подъ контроля наукъ и будетъ дѣйствовать не только независимо отъ нихъ, но даже вопреки и противоположно имъ. Наконецъ, какъ можетъ метафизика одинаково съ науками имѣть основаніе въ опытѣ, если, какъ это можно усмотрѣть изъ разсужденій Фуллье, науки руководятся объективнымъ (чувственнымъ) опытомъ, а метафизика вполне субъективнымъ, т.-е. тѣмъ опытомъ, который доступенъ каждому отдѣльному существу только въ его индивидуальномъ сознаніи?

Надѣюсь, что въ моихъ замѣчаніяхъ по поводу возрѣній, высказанныхъ Фуллье въ сочиненіи „L'avenir de la métaphysique“, читатель не увидитъ предвзятаго желанія, во что бы то ни стало, возражать ему. Уже не разъ заяв-

ленное мною высокое мнѣніе о его философской дѣятельности распространяется и на это его сочиненіе, пожалуй, еще въ высшей степени, чѣмъ на предыдущія; но, тѣмъ не менѣе, я не могу не видѣть, что многія понятія Фуллье, каковы, напр., понятія науки, метафизики, сознанія, міра, первыхъ принциповъ, опыта и т. п., недостаточно выработаны, не соотвѣтствуютъ его собственнымъ тенденціямъ и приводятъ къ противорѣчіямъ съ ними. Главная причина неудовлетворительности системы Фуллье въ ея цѣломъ, какъ я уже упоминалъ и выскажусь еще ниже, заключается въ томъ, что Фуллье, хотя и желаетъ поставить философію на новыхъ началахъ, но все-таки стоитъ еще на старой почвѣ и далеко еще не вполне отрѣшился отъ позитивизма, а вмѣстѣ съ нимъ и отъ дуализма, съ которымъ онъ хочетъ и думаетъ бороться. Теперь обращусь къ краткому изложенію и характеристикѣ его понятія идей-силъ.

Понятіе идей-силъ у Фуллье.

Это собственная теорія Фуллье, въ которой у него эволюціонизмъ основанъ не на механическомъ движеніи, а на „идеяхъ-силахъ“. Для ея изложенія я воспользуюсь его сочиненіемъ, помѣщеннымъ *) въ 1890 году въ I-мъ томѣ журнала „Revue Philosophique“ и состоящимъ изъ 3-хъ статей (стр. 113—137, 267—296, 337—364). Этою характеристикой я и закончу мой обзоръ сочиненій и вообще философіи Фуллье. Свою собственную теорію онъ развиваетъ путемъ постоянной полемики съ позитивистами, а также и съ философствующими научными матеріалистами, напр., Бэномъ, Спенсеромъ, Маудсли, Гексли и другими. Но болѣе всѣхъ онъ въ этой полемикѣ имѣетъ въ виду Спенсера, котораго упрекаетъ въ *дуализмъ*, видящемъ факторы эволюціи въ „матеріальномъ автоматѣ“ и въ умственной**) сторонѣ (аспектѣ,

*) Оно уже вышло и отдѣльно.

**) Какъ и Тэнъ, Фуллье вездѣ вмѣсто термина: духовный, или психическій—употребляетъ: умственный.

видѣ)“, которые у него соединены только внѣшнимъ образомъ, или же при помощи „трансцендентнаго монизма“ (т.-е. въ томъ принципѣ, который у Спенсера называется „Непознаваемымъ“). Этому Спенсеровскому одностороннему эволюціонизму Фуллье противопоставляетъ свой, по его мнѣнію, настоящій, подлинный, „опытный и имманентный“ монизмъ. Разсматривая критически господствующую нынѣ теорію „двухъ видовъ (аспектовъ) бытія, умственнаго и физическаго“, Фуллье съ большою силой и остроуміемъ разбираетъ различныя, наиболѣе распространенныя теоріи о взаимной связи и отношеніи этихъ видовъ и не соглашается съ ними, главнымъ образомъ, потому, что всѣ онѣ въ той или другой формѣ и степени отрицаютъ дѣятельную силу у психической стороны бытія и, слѣдовательно, не признаютъ за нею никакого причиннаго значенія въ эволюціи какъ цѣлаго міра, такъ и отдѣльныхъ существъ. Отсюда выводится слѣдствіе, что „умственный (психическій) аспектъ бытія во всеобщемъ детерминизмѣ“ представляетъ нѣчто случайное, какую-то „безполезную прибавку въ міровомъ развитіи“, или, выражаясь терминомъ Маудсли, „эпифеноменъ“, безъ котораго это развитіе было бы совершенно точно такимъ же, каково оно и при явленіяхъ сознанія и чувства, т.-е. не измѣнилось бы, еслибъ никто въ мірѣ не думалъ, не чувствовалъ и не желалъ. Возставая противъ этого, Фуллье считаетъ факторами или силами, участвующими въ міровомъ развитіи, и психическія состоянія—ощущенія, мысли, желанія, волю—и, напротивъ, хочетъ замѣнить ими механическую эволюцію.

Фуллье принимаетъ слово *идея* не въ обычномъ смыслѣ мысли или представленія; такъ какъ съ этими послѣдними всегда связаны чувство или стремленіе (воля), то идея означаетъ у него всѣ эти „состоянія сознанія“ въ ихъ неразрывномъ соединеніи. Это и есть „идея-сила“, ибо о силѣ, дѣйствиіи, вліяніи и т. п., по Фуллье, мы ничего не могли бы знать изъ одного матеріальнаго міра; съ „дѣятельною силой“, „производящею причинностью“, мы знакомимся только изъ состояній нашего субъективнаго сознанія. Си-

лы же, принадлежащія идеямъ, не создаютъ „новыхъ движеній“, которыя всегда вытекаютъ изъ старыхъ. Поэтому силы, въ точномъ смыслѣ, принадлежатъ только „умственному (душевному) аспекту“, въ „физическомъ“ же силъ нѣтъ, а есть только движенія. Несмотря на то, что здѣсь Фуллье, по-моему, выходитъ вообще на болѣе близкій къ истинѣ путь, все-таки, въ сущности, для него образцомъ силъ служатъ физическія (тяготѣніе, электричество, теплота и проч.), по аналогіи съ которыми онъ и образуетъ понятіе идей-силъ. Кстати, если силы не производятъ движеній, то откуда же произошли первыя, а за ними и всѣ послѣдующія движенія? Очевидно, что здѣсь матерія, съ ея единственною функціей—движеніемъ, принимается, вопреки основной реальности силъ, въ качествѣ самостоятельнаго начала и что „имманентный, опытный (научный)“ монизмъ Фуллье есть тотъ же *дуализмъ*, но только прикрытый разными благочестивыми намѣреніями и хорошими словами. Точно также онъ строго отличаетъ свои идеи, какъ силы, отъ „идей“ въ смыслѣ, господствующемъ въ современной психологии, гдѣ онѣ суть *рефлексы* (нѣчто отраженное, посредственное). Но такъ какъ идеи у него составляютъ область первичнаго, *прямого сознанія*, то и въ этомъ понятіи онъ значительно разнится отъ представителей наиболѣе господствующихъ теперь воззрѣній. Такъ, онъ не допускаетъ ничего *абсолютно-безсознательнаго*; не согласенъ также и съ тѣмъ, что сознаніе образуется изъ *скопленія* „нулей сознанія“, или что состоянія сознанія происходятъ изъ какихъ-то первоначальныхъ „единицъ композиціи“, однородныхъ съ ихъ сознаваемыми суммами (наприм., въ нашихъ ощущеніяхъ), но доступныхъ сознанію только тогда, когда онѣ суммированы.

По теоріи „идей-силъ“, сознаніе есть нѣчто, ни отъ чего не происходящее, а первоначальное; оно есть способъ, „какимъ существо является самому себѣ“ въ качествѣ существующаго и дѣйствующаго. Это „первичное, свободное, спонтанное“ есть, по Фуллье, воля; поэтому „влеченіе,

желаніе и дѣйствіе есть первое, чрезвычайно смутное сознание“, изъ котораго далѣе образуются всѣ прочія состоянія сознания въ различныхъ, по составу и степени ясности, сочетаніяхъ. Но, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, первоначальнаго смутнаго сознания, стремленіе и воля, по Фуллье, все-таки не есть абсолютно единственный составной психическій элементъ; она только преобладаетъ надъ другими (чувствомъ, представленіемъ), но въ такой степени, что они кажутся какъ бы отсутствующими или исчезнувшими въ сознаніи воли. Значитъ, въ основаніи всякаго бытія лежатъ, по Фуллье, процессы духовные, а вовсе не движенія въ пространствѣ и времени. Движенія, по Фуллье, суть приспособленія, уже вытекающія изъ желанія (конечно, первоначально не мотивированнаго отчетливымъ выборомъ) *). Между этими процессами и движеніями, въ которыя разрѣшается то, что называется матеріею, лежитъ цѣлая пропасть; поэтому, думаетъ Фуллье, реальные процессы не выражаются въ законахъ физическихъ, которыхъ (наприм. паденія, тяготѣнія и проч.) природа совсѣмъ не знаетъ. Эти законы только *символы*; и если посмотрѣть на фактъ и законъ паденія, наприм., метафизически, то падающее тѣло есть не иное что, какъ нѣкоторое *дѣйствіе* и *страданіе* (акція и реакція). Отсюда система вещей не исчерпывается однимъ количествомъ, т.-е. числомъ, видомъ (формою) и временемъ.

*) Здѣсь опять кстати замѣчу, что вся эта теорія уже до эволюціи, чрезъ которую все произошло, тихомолкомъ предполагаетъ *два* готовые вещи: *субъектъ* (духовную субстанцію), въ которомъ, такъ сказать, впервые забрезжилась воля, желаніе, а во-вторыхъ, какое-то бытіе или *среду*, къ которой нужно приспособляться и которая, по теоріи, должна быть невозможною до воли. Конечно, она и есть не что иное, какъ движущаяся въ атомахъ и молекулахъ естественнѣдѣнія или „подвижныхъ двигателяхъ“ Тэна—матерія. Въль воля, хотя бы въ латентномъ соединеніи съ эмоціею и мыслью (представленіемъ), еще не есть среда, къ которой долженъ принаровляться спонтанно хотящій субъектъ.—Иное дѣло у Шопенгауэра, гдѣ воля обманчиво принаровляется къ своимъ же мнимымъ объектамъ.—Но въ опытной, имманентной, контролируемой науками, метафизикѣ Фуллье нельзя раздѣлываться съ этими вопросами такъ, какъ это дѣлаетъ Шопенгауэръ. Значитъ, Фуллье пришлось пустить въ ходъ, конечно, не предумышленно, софизмъ, называемый *petitio principii*.

Одинъ механической эволюціонизмъ есть, по Фуллье, не болѣе, какъ та часть нашего опыта, которую мы субстанціируемъ и гипостазируемъ, произвольно дѣлая изъ этой части абсолютную реальность. Процессъ механической и процессъ сознательный, — утверждаетъ Фуллье, не давши, однако, достаточнаго на то доказательства, — не суть двѣ реальности индифферентныя одна къ другой, но одна и та же реальность, различающаяся только по способу и средствамъ ея воспріятія.

Что касается до отношенія психическаго бытія и физическаго, или движенія, то Фуллье думаетъ, что всякое состояніе, какъ бы слабо оно ни было, непременно имѣетъ количество или интенсивность, которой соотвѣтствуетъ движеніе какой-либо интенсивности. Всякая внутренняя перемѣна въ идеяхъ-силахъ всегда связана съ перемѣной въ движеніи; отсюда неизбежно присоединеніе къ ней процессовъ: временнаго (или продолжительности) и процесса пространственнаго. Поэтому три начала, хотя и въ разныхъ степеняхъ, соединены со всякимъ движеніемъ: эти начала—представленіе, эмоція и влеченіе *).

Я считаю, что сдѣланныхъ мною сейчасъ краткихъ указаній на теорію „идей-силъ“ совершенно достаточно для общей характеристики философіи Фуллье. Добавлю только, что задача всего его сочиненія „Эволюціонизмъ идей-силъ“ представляетъ какъ бы *двѣ стороны*: одна — положительная сторона — наполнена обосновкой и разнообразными доказательствами (особенно отъ противнаго) этой теоріи, дру-

*.) Какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ другихъ, Фуллье иногда произвольно отождествляетъ и связываетъ то, что по самой природѣ не можетъ быть отождествлено и связано. Такъ, наприм., психическія состоянія сознанія и физическое движеніе въ пространствѣ и времени никакимъ образомъ не соединимы и не сводимы другъ на друга по той простой причинѣ, что ни представленія, ни эмоціи не занимаютъ пространства, а замѣчаются смѣняющимися только во времени. Если же понимать правильно время, т.-е. не какъ что-либо реальное, а только какъ зависящее отъ нашего несовершенства отраженіе нашихъ умственныхъ отношеній къ реальному, то смѣна эта происходитъ только въ насъ (или иначе: дѣйствительный міръ со всѣмъ его реальнымъ содержаніемъ вѣчно одинъ и тотъ же. См. «Свое Слово», № 3-й).

гая — отрицательная — представляетъ обстоятельное, проведенное съ разныхъ точекъ зрѣнія, опроверженіе того положенія, что психическая сторона бытія никакого существеннаго значенія въ эволюціи не имѣетъ и что она есть только побочная прибавка къ физической, или „эпифеноменъ“. Первую, несмотря на много цѣнныхъ и вѣрныхъ частныхъ взглядовъ, я все-таки считаю, въ концѣ концовъ, неудавшеюся; и на причину этой неудачи я уже сдѣлалъ нѣкоторые намеки, а сейчасъ сдѣлаю и еще. Что касается до другой части задачи Фуллье, то я нахожу ее выполненною весьма хорошо. Едва ли послѣ его работы возможно будетъ философамъ-позитивистамъ и научнымъ матеріалистамъ такъ самоувѣренно объяснять міровое развитіе *механической* эволюціей и отрицать всякое значеніе у *психическаго* бытія. Въ энергіи и талантѣ, съ которыми Фуллье борется за признаніе послѣдняго, заключается его почтенная заслуга даже и передъ европейской философіей вообще, но уже во всякомъ случаѣ — передъ французской.

Заключеніе о философіи Фуллье.

Теперь кратко скажу о томъ, гдѣ, по моему мнѣнію, при сильной потребности выйти въ философіи на совсѣмъ новую дорогу, Фуллье все еще, вслѣдствіе разныхъ причинъ, остается на старой. Важнѣе всего это обнаруживается въ *основныхъ философскихъ понятіяхъ*: одни изъ нихъ имъ недостаточно выяснены, въ другихъ же остались непреодолимыми ложные элементы, вошедшіе въ нихъ изъ традиціи и сохранившіе надъ Фуллье свою власть, нерѣдко даже вопреки его новымъ тенденціямъ; третьи ему не удалось точно формулировать сообразно этимъ его тенденціямъ и замыслу. На нѣкоторыя изъ таковыхъ понятій я уже указывалъ, какъ, на прим., на понятія „науки, метафизики, реальности“ и т. п.; о другихъ скажу теперь.

1. Фуллье не разобрался въ понятіяхъ *сознаніе* и *знаніе*, а потому не преодолѣлъ обычно господствующаго въ нихъ смѣшенія и не могъ точно опредѣлить ихъ содержанія, объема

и указать на ихъ точки соприкосновенія. Для него осталось неяснымъ, что существенное различіе ихъ состоитъ въ томъ, что сознание есть *источникъ* всяческаго знанія, сырой *матеріаль*, предшествующій его постройкѣ, и что въ немъ человѣкъ и другія существа соприкасаются съ доступною имъ реальностью, или бытіемъ. Сознание, какъ такое, совсѣмъ не есть знаніе, которымъ оно становится только тогда, когда привходитъ мышленіе *), въ какой бы элементарной и неясной степени оно ни происходило, потому что для преобразованія сознанія въ знаніе нужно, чтобы непосредственно (просто) сознаваемое было посредствомъ акта мышленія *отнесено* одно къ другому; и такъ какъ разъ соотнесенное можетъ снова и снова соотноситься съ другими соотнесенными, то дѣятельность мышленія можетъ, расширяясь, идти въ безконечность. Возникаютъ все новыя и новыя *единства* (понятія) съ новыми точками зрѣнія; и такимъ путемъ все расширяется и углубляется цѣлое міросозерцаніе. — Что для Фуллье все это не ясно, видно уже изъ того, что въ разныхъ мѣстахъ его послѣднихъ сочиненій имъ брошены совсѣмъ различныя воззрѣнія на сознание. То онъ употребляетъ этотъ терминъ въ смыслѣ души вообще, то ставитъ сознание на ряду съ мыслью, чувствомъ, волею, т.-е. видитъ въ сознаніи особую, подобную этимъ, душевную функцию, то смотритъ на сознание, какъ на какую-то особую силу, имѣющую спеціальное причинное значеніе въ эволюціи. Съ другой стороны, есть мѣста, гдѣ Фуллье употребляетъ этотъ терминъ правильнѣе, напр., когда онъ справедливо утверждаетъ, что абсолютно-безсознательныхъ психическихъ состояній нѣтъ, т.-е. что безсознательное есть то же, что и сознательное, но только разнящееся отъ него чрезвычайно малою

*) Примѣромъ сознанія безъ всякаго знанія можетъ служить сознание животныхъ и маленькихъ дѣтей, которыя *сознаютъ* все то же, что и взрослые люди, но ничего не знаютъ, не понимаютъ. То же, что обыкновенно считается и называется знаніемъ животныхъ, есть только такъ-называемая механическая ассоціація идей (т.-е. въ сущности состояній сознанія: ощущеній, образовъ, чувствъ, желаній), первоначально общая какъ для животныхъ, такъ и для людей, но потомъ у послѣднихъ постепенно переходящая въ процессъ знанія.

интенсивностью. *). Отъ невыработанности у Фуллье понятія сознанія онъ не дѣлаетъ, да и не подозреваетъ важнаго различія между сознаніемъ первоначальнымъ и производнымъ, непосредственнымъ и опосредствованнымъ (путемъ мышленія, вывода), простымъ и сложнымъ.

Но, кромѣ смѣшенія понятій сознанія и знанія, у Фуллье обнаруживаются и другія неточности по отношенію къ этому послѣднему. Онъ выражается, наприм., такъ, какъ будто бы познаніе, такъ сказать, облекаетъ, обволакиваетъ реальность, или какъ будто оно въ нее входитъ, проникаетъ ее и т. под. Отсюда происходитъ у него и столь обычное въ позитивизмѣ сочетаніе терминовъ, „реальность познаваемая и непознаваемая“ **). Точно также онъ, по обычаю, допускаетъ чувственное и умственное познаніе, между тѣмъ какъ, въ точномъ смыслѣ слова, чувства знаній не даютъ, а служатъ только условіемъ для сознанія; познаніе-же всегда есть продуктъ мышленія, т. е. соотношенія сознаваемыхъ элементовъ. Наконецъ, въ зависимости отъ той же невыработанности указанныхъ понятій стоитъ у Фуллье неточное и двусмысленное употребленіе понятій: опытъ, фактъ ***), явленіе, на что я уже указывалъ въ моихъ статьяхъ о Контѣ и Тэнѣ.

*) Сознаніе не есть что-либо особое отъ того, что сознается: первоначально и существенно, оно есть понятіе не качественное, а количественное, т. е. особая степень интенсивности того, что сознается. Только впоследствии (уже вторично), когда этимъ терминомъ означаются всѣ одновременные и однородные акты сознанія, взятые вмѣстѣ, оно можетъ перейти въ понятіе качественное; такъ, напр., когда мы въ такомъ пониманіи думаемъ отдѣлить въ особые классы сознающія существа отъ несознающихъ, хотя такое отдѣленіе будетъ, конечно, не точно, потому что абсолютно несознающихъ, какъ сказано, вовсе реально не существуетъ для насъ, или они существуютъ только въ умѣ или воображеніи, какъ, наприм., матеріальныя вещи (образы).

**) Коли — «реальность», такъ она непременно дана въ сознаніи, слѣдовательно, вообще познаваема, хотя люди цѣлые вѣка могутъ не умѣть понимать ее и ясно формулировать это пониманіе.

***) Когда, наприм., онъ предполагаетъ, что метафизика должна изслѣдовать какіе-то «неразложимые факты», то, очевидно, смѣшиваетъ понятіе факта съ понятіемъ первоначальнаго сознанія. Факты же, всегда включающіе въ себя мышленіе, а слѣдовательно — выводъ и заключеніе, суть продукты нашего акта сравненія и отнесенія другъ къ другу элементовъ и всегда разложимы на эти элементы.

2. Весьма большою неопредѣленностью отличаются у Фуллье и понятія движенія и матеріи. Конечно, ему крайне желательно привести движеніе, или „физическій аспект“, въ зависимость отъ психическаго и сдѣлать изъ перваго простой символъ втораго. Но, однако, это ему не удастся, да и не могло бы удаться, ибо и онъ къ основнымъ началамъ естественныхъ наукъ, пространству, времени, и далѣе, движенію и матеріи, относится такъ, какъ будто бы они существуютъ реально. Но такъ какъ идеи, т.-е. воля, эмоція и мысль въ пространствѣ не находятся, а Фуллье разумѣетъ движеніе въ пространствѣ, то на-ряду съ безпространственными и недвижимыми идеями онъ допускаетъ и движущуюся въ пространствѣ матерію и, слѣдовательно, *дуализма онъ не преодолеваетъ*. Все же то, что онъ говоритъ о своемъ монизмѣ и о значеніи идей въ міровой эволюціи, сводится, въ концѣ концовъ, къ недоказаннымъ утвержденіямъ.

3. Въ отношеніи Фуллье къ понятію субстанціи также обнаруживается власть надъ нимъ господствующихъ философскихъ направленій. Въ его признаніи матеріи, какъ субстанціи, нельзя сомнѣваться, но далеко не такъ ясно и твердо признаніе субстанціальности нашего „я“, хотя оно и выражается не только въ пресловутыхъ „мы“, или же „въ употребленіи «я» въ обыкновенномъ смыслѣ“, по выраженію Тэна. Можно даже встрѣтить такія положенія, гдѣ, наприм., прямо сказано, что наша внутренняя дѣятельность *сопровождается* болѣе или менѣе смутнымъ „непосредственнымъ чувствомъ самого себя“ („Эволюціонизмъ“, стр. 129)*). Но *принципіальной и систематической постановки идеи нашей субстанціи все-таки у него нѣтъ*. Отсюда, наприм., его вѣрное утвержденіе, что воля, эмоція, мысль всегда сознаются вмѣстѣ, а не въ отдѣльности, не имѣетъ надлежащаго основанія и можетъ показаться голословнымъ. Только при допущеніи субстанціи становятся вполнѣ ясными какъ необходимость одновременности функцій представленія, эмоціи,

*) Правильнѣе нужно было бы сказать: сознаниемъ, а не чувствомъ.

воли или желанія и—прибавлю я—ощущеній (смѣна которыхъ и составляетъ движеніе), такъ и ихъ кажущееся временнымъ, причинное соотношеніе другъ съ другомъ. (Наприм., у человѣка мысль или представленіе, повидимому, вызываетъ чувство, чувство въ свою очередь—желаніе, желаніе—движеніе, т.-е. цѣлый сложный комплексъ ощущеній). Но, кромѣ этого, реальность нашей субстанціи обезпечивается особымъ сознаниемъ ея, отличнымъ отъ сознанія функций, о чемъ я уже говорилъ въ предшествующей статьѣ. Если не отрицаніе субстанціи, то, по крайней мѣрѣ, неполное и неясное признаніе ея у Фуллье, главнымъ образомъ, и побуждаетъ меня назвать то направленіе, котораго онъ — важнѣйшій представитель, *полупозитивизмомъ*. Твердое и принципиальное признаніе субстанціи, конечно, должно было бы отразиться въ метафизикѣ Фуллье. Ему открывалась бы не только возможность, но даже необходимость говорить о безсмертіи человѣческой субстанціи, да и самый эволюціонизмъ получилъ бы иной характеръ; эволюція состояла бы *не изъ фактовъ*, существующихъ только въ нашей мысли, а изъ перемѣны въ реальной координаціи функций, происходящей въ каждой человѣческой субстанціи, и далѣе, изъ перемѣны реальныхъ отношеній между нею и всѣми субстанціями цѣлаго міра.

4. Теперь я скажу два слова о „методѣ соглашенія доктринъ“, чрезмѣрное увлеченіе которою вредно отразилось на построеніи философской системы Фуллье. По поводу этой методы его, хотя и не совсѣмъ справедливо, обвиняли въ томъ безпринципномъ *электизмѣ*, въ которомъ философъ въ выборѣ для своей системы цѣлыхъ доктринъ или отдѣльныхъ положеній руководится не самостоятельно и отчетливо выработанными *принципами* и *критеріями*, а субъективнымъ, случайнымъ *вкусомъ*, или же желаніемъ не расходиться со всѣми другими мыслителями, и который даже въ лучшемъ случаѣ ведетъ только къ болѣе или менѣе ловко прикрытому компромиссу. Но для такого электизма Фуллье, конечно, слишкомъ самостоятеленъ и талантливъ. И одна-

ко же, забывая, что въ философіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо, чтобы цѣлая система имѣла свое единство въ *единствѣ* создающаго его индивидуальнаго *духа*, Фуллье полагался на внѣшнія, искусственно и подробно выработанныя имъ правила или приемы этого „соглашенія доктринъ“*). Таковы, наприм., приемы „постройки системъ-типовъ“, вполнѣ рациональныхъ и послѣдовательныхъ, причемъ строящій долженъ „поправлять и дополнять данныя въ исторіи доктрины“; при недостаткѣ же данныхъ можно даже „строить воображаемыя системы-типы“, подобно тому какъ математики „строятъ мнимую геометрію по аналогіи съ эвклидовой геометріей“. Далѣе нужно „анализировать въ каждой системѣ начала“, „опровергнуть ошибки“, „произвести синтезъ началъ“ и „согласить истины всѣхъ системъ другъ съ другомъ“**). Затѣмъ слѣдуютъ методы „совпаденій“, „вставка среднихъ терминовъ“, „эквивалентовъ“ и т. п.

Но, несмотря на эти съ большимъ тщаніемъ выработанные приемы, Фуллье все-таки не удалось согласить ни „детерминизма съ индетерминизмомъ“, ни причинности съ „самопроизвольно (спонтанно) возникшими волею и другими идеями“***), ни „натурализма съ идеализмомъ“. Наконецъ, ему не удалось обезпечить и увѣренность „во всеобщемъ космическомъ счастьи“. Благочестивы, но нѣсколько наивны соображенія о томъ, что разъ появились въ людяхъ идеи умѣренности, справедливости и братства, то уже эволюція сама собою приведетъ къ ихъ абсолютному господству въ этомъ кос-

*) Онъ излагаетъ эти приемы въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, наприм. въ „Исторіи философіи“ и въ „Метафизикѣ будущаго“.

**) Здѣсь, кстати, не могу не замѣтить, что если кто-либо можетъ *отличать все истинное* во всѣхъ и каждой философскихъ системахъ, то, конечно, онъ уже предварительно обладаетъ полною философскою истиной, а потому вмѣсто излишнихъ для него опроверженій, поправокъ, дополненій въ существующихъ системахъ, вмѣсто построеній системъ воображаемыхъ, анализа и синтеза началъ и т. п., ему остается только изложить тѣ истины, которыми онъ уже обладаетъ.

***) Чья эта спонтанная воля?.. Кждаго существа что ли: человѣка, животного, клѣточки, молекулы, атома? Или же это просто Шопенгауэровская воля, т.-е. ничья, а потому и запускающая свои жадные зубы въ свое же собственное нутро?

мосѣ *). По моему мнѣнію, вмѣсто всѣхъ этихъ искусственныхъ и даже совсѣмъ невозможныхъ (по прямому противорѣчію) соглашеній, Фуллье могъ бы гораздо проще устранить притязанія матеріалистическаго механизма на безусловное значеніе въ эволюціи, указавъ, что его *принципы* (время, пространство, движеніе и матерія) *не реальны*, а потому и не могутъ объяснять дѣйствительнаго міра и господствующихъ въ немъ отношеній. Но это нисколько не мѣшаетъ естественнымъ наукамъ условно изслѣдовать и формулировать, на основаніи этихъ принциповъ, законы отраженія этихъ реальныхъ міровыхъ отношеній въ явленіяхъ нашего сознанія,—законы, имѣющіе большую важность въ практическомъ отношеніи. Поэтому наука, долженствующая изслѣдовать *реальныя* отношенія, т.-е. философія (метафизика), не только не можетъ быть поставлена подъ контроль соответственныхъ наукъ, но, наоборотъ, должна преобразовывать ихъ результаты и формулировать ихъ иначе, съ своей точки зрѣнія, для того, чтобы получилось дѣйствительно *философское* міросозерцаніе, а не механико-физико-химическое. На разговоры механистовъ, что сознаніе есть какой-то безполезный эпифеноменъ, Фуллье, по-моему, долженъ бы былъ отвѣчать, что, напротивъ, *quasi*-явленія передвигающейся безъ начала и конца въ пространствѣ матеріи суть даже *меньше, чѣмъ эпифеноменъ* сознанія, а только совокупность условныхъ *значковъ* въ умѣ, имѣющихъ смыслъ только потому, что всякая чувствующая, ощущающая, желающая и, главное, мыслящая субстанція находитъ *въ себѣ самой тѣ реальности*, которая она можетъ съ большимъ или меньшимъ правомъ и успѣхомъ, даже вовсе не сознавая того, подставлять подъ эти значки.

А. Козловъ.

*) Такъ какъ идеи умѣренности, справедливости и братства мыслимы только въ соотношеніи съ идеями невождержности, неправды и эгоизма, то при абсолютномъ царствѣ первыхъ станутъ немислимы и вторыя, т.-е. и тѣ и другія исчезнутъ изъ эволюціи и наступитъ какая-то блаженная безразличная нирвана, какое-то *ничто*, отъ котораго никогда не могутъ спастись философы, не могущіе преодолѣть времени и считающіе его (болѣе или менѣе смутно) чѣмъ-то реальнымъ.